

УДК 340.15

**ПРОКУРАТУРА И ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ:
ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ОБЩЕГО НАДЗОРА**

A. С. Вернов

**PROSECUTOR AND PARTY-STATE SYSTEM OF WESTERN SIBERIA:
THE PROBLEM OF POLITICAL COOPERATION AND GENERAL SUPERVISION**

A. S. Vernov

В статье рассматриваются процессы формирования и развития региональной прокуратуры в Западной Сибири в 1920-е гг. Анализируются проблемы взаимоотношений прокуратуры и местных органов власти. Исследуются, подвергаются факторы, оказывающие влияние на прокурорский надзор. Изучается механизм взаимодействия прокурорских работников с общественными организациями и движениями, участвующими в реализации правоохранительной политики.

The paper deals with the processes of formation and development of the regional Prosecutor's Office in West Siberia in the 1920s. The problems of relations between prosecutors and the local authorities are discussed. The factors influencing the Public Prosecutors supervision, the mechanism of interaction between prosecutors and social organizations and movements involved in the implementation of the law-enforcement policy are analyzed.

Ключевые слова: Сибирский край, Кузнецкий округ, прокуратура, прокурорский надзор, законодательство о прокуратуре, исполнительные комитеты, ВКП(б).

Keywords: Siberian Region, Kuznetsk district, Prosecutor's Office, Public Prosecutor's supervision, law on the Prosecutor's Office, Executive Committees, All-Union Communist Party of the Bolsheviks.

Практика прокурорской деятельности 1920-х гг. включала в себя общественно-политическую, пропагандистскую работу, являвшуюся абсолютной новеллой в функционировании данного института, отличавшую новую, «рабоче-крестьянскую» прокуратуру, не только от дореволюционной российской, но и от какой-либо другой модели ее организации. Лица прокурорского надзора при выполнении своих функций в области осуществления надзора за состоянием законности, неизбежно сталкиваясь в процессе своей деятельности «с широкими рабочими и крестьянскими массами», наряду с выполнением основной работы по рассмотрению жалоб, заявлений и пресечения правонарушений, обязаны были вести общественно-политическую и агитационно-пропагандистскую работу, путем выступления с докладами на различного рода собраниях граждан, на различных заседаниях, совещаниях партийных, советских и профсоюзных организаций – райземкомиссий, рабоче-крестьянских инспекций, избирательных комиссий.

При этом по требованию Краевого прокурора, представители Окружной и участковых прокуратур должны были участвовать в их деятельности не просто в качестве членов комиссий, а именно как прокуроры, представители «ока государева», контролируя законность их деятельности. Случаи же пассивного их участия краевым начальством пресекались [8, л. 109].

План прокурорских мероприятий в этой области согласовывался с территориальными партийными комитетами. Представители Прокуратуры обязаны были участвовать в заседаниях райкомов и горкомов ВКП(б). Примеры их активного участия в заседаниях (г. Ленинск) всячески пропагандировались, в то время как игнорирование участия (Краснинский и Топкинский районы, в заседаниях партийных комитетов которых представители прокуратуры в 1926 г. участво-

вали лишь по одному разу), подвергались резкой критике с применением оргвыводов [8, л. 108 об.].

Как одной из основных задач этой работы рассматривалась популяризация советского законодательства. По утверждению Краевого прокурора: «В зависимости от того, насколько широко и своевременно рабочие и крестьянские массы будут осведомлены о советском законодательстве, – имеет огромное значение, как в области политической, а также и экономической жизни страны».

С этой точки зрения, далеко не случайным выглядит создание в 1928 г. в Новосибирске специального Бюро по руководству этой работой в составе представителей Агитпропа Крайкома ВКП(б), Краевого суда, в состав которого вошли и представители Краевой прокуратуры.

Статистические данные, отложившиеся в архивных документах, свидетельствуют о росте пропагандистской работы должностных лиц прокуратуры. Особо наглядно это проявляется в период т. н. «великого перелома» в деревне, в период постепенного отхода от парадигмы «обогащайтесь», постепенного поворота к коллективизации и, следовательно, изменений в гражданском и земельном законодательстве.

Так, если в первом полугодии 1926 г. работники прокуратуры сделали 952 доклада, то во втором полугодии – 1107, а в 1-м полугодии 1927 г. вообще 1523.

На территории Кузнецкого округа работники прокуратуры во 2 половине 1920-х гг. пытались придать данной работе по популяризации и ознакомлению населения с советским законодательством плановый характер, проводя ее совместно с органами суда, следствия и дознания, используя при этом массовые организации – избы-читальни, юридические кружки, институт общественных обвинителей и народных заседателей.

Справедливости ради отметим, что данная работа зачастую имела лишь формальный характер. При выездах в деревню с докладами в целях популяризации права, прокурорские работники, как правило, выступали по двум ключевым, с их точки зрения, темам, разъясняя содержание т. н. ревзаконности и пропагандируя меры по борьбе с хулиганством [4, л. 32].

Несколько лучше обстояло дело с пропагандой права в периодической и стенной печати, хотя и здесь имелись свои недостатки. Так, прокурором 2-го участка Кузнецкого округа во 2-й половине 1926 г. – 1-й половине 1927 г. была опубликована всего одна статья, вторая, хоть и была написана – не публиковалась, еще одна статья распространена через стенгазеты [2, л. 48].

Оставляла желать лучшего и работа созданных при участии прокуратуры общественных организаций. Созданное в конце 1926 г. в г. Ленинск Юридическое бюро пыталось организовать свою деятельность без участия абсолютно игнорировавшего его работу прокурора Васильева, но сделать этого не смогло. После гневного оклика со стороны Окружной прокуратуры бюро попыталось оживить свою работу, было проведено одно заседание, но на этом все и закончилось.

Достаточно сложной формой организации деятельности прокуратуры, находящейся на стыке их общественной и профессиональной деятельности являлась работа по руководству так называемыми «общественными обвинителями». Данные лица, не являясь кадровыми работниками прокуратуры, как, впрочем, и профессиональными юристами, в принципе, являлись представителями рабочего и крестьянского актива, способствовавшими прокуратуре в ее борьбе за укрепление ревзаконности. По мнению одного из руководителей советской прокуратуры Н. Крыленко: «На эту отрасль работы прокурорского надзора должно быть обращено особое внимание; укрепление института общественных обвинителей, должно привести к воспитанию в широких массах сознания публично-правовой обязанности защищать нарушенный закон, а не только права жаловаться на его нарушителей».

История формирования института общественных обвинителей восходит к первым годам существования большевистского режима. Как известно, в период его создания руководителями советского государства всячески пропагандировалась идея привлечения трудящихся к повседневной деятельности по управлению государством, в том числе к работе правоохранительных структур.

В Наказе по вопросам хозяйственной работы, адресованном IX Всероссийским съездом Советов (декабрь 1921 г.), Наркомату Юстиции РСФСР содержалось требование усилить активность в воспитании широких масс рабочих и крестьян, обеспечив «самостоятельное, быстрое, деловое участие их в надзоре за соблюдением законности» [13, с. 337].

В свою очередь, Народный комиссариат Юстиции, считая недопустимым возможную бюрократизацию прокурорского надзора, в Циркуляре от 9 ноября 1923 г. заявил «...только при самой тесной связи каждого лица прокурорского надзора с рабочими организациями данной местности и не менее тесной связи с

трудовыми массами, вообще, могут быть достигнуты полностью цели и задачи, возложенные на прокуратуру» [15, с. 102].

В соответствии с данными установками в 1920-е гг. в РСФСР создавались различные общественные организации, призванные оказывать практическую помощь органам прокуратуры, обеспечивая при этом классовую направленность ее работы.

Сама советская прокуратура, подверженная тенденциям демократического обновления, в первые годы своего существования также посчитала необходимым организацию общественного обвинения в суде. Поскольку ее желание с общей направленностью государственной политики абсолютно совпадало, необходимая нормативно-правовая база под это была подведена практически мгновенно. Уже в УПК, принятом в 1922 г. было предусмотрено, что в качестве обвинителя помимо работников прокуратуры, потерпевшего и представителей всевозможных инспекций (РКИ, продовольственной и т. д.) могут выступать уполномоченные профессиональных союзов, т. е. сами трудящиеся. Последние имели право выступать на суде без специального прокурорского нарушения, являясь общественными обвинителями [16, с. 203].

В специальном циркуляре Наркомюста РСФСР 1923 г. «О задачах прокуратуры и правилах допущения общественных обвинителей к выступлениям на суде», подчеркивалось: «Если закон каждому гражданину РСФСР предоставляет право сообщить лицам прокурорского надзора о всяком нарушении установленных Советской властью законов, то задача прокуратуры развить из этого права все вытекающие отсюда последствия и при помощи его, как логический вывод из первого шага, втянуть самого заявителя в работу по охране нарушенного закона в качестве обвинителя в суде» [10, с. 192].

Анализируя развитие института общественных обвинителей в 1920-е гг. следует отметить две тенденции, четко прослеживающиеся в его развитии.

Во-первых, это тенденция количественного роста и активизации деятельности общественников. Если в 1923 г. состоялось 2420 выступлений общественных обвинителей, то в 1924 г. – уже 8680, а годом позже их число удвоилось – 15612 выступлений [12, с. 14].

Во-вторых, речь идет о тенденции этатизации, постепенной утраты статуса самодеятельной организации. Зачастую на представителей общественности возлагались функции, связанные с осуществлением профессиональной прокурорской деятельности, которые не могли быть реально исполнены.

Дать однозначную оценку этому институту и его роли в развитии системы советского судопроизводства чрезвычайно сложно. С одной стороны, перед нами явная попытка власти сформировать актив сельского пролетариата, способный впоследствии стать надежной социальной опорой территориальных комитетов ВКП(б) и сельсоветов в проведении коллективизационных преобразований.

С другой стороны, существование подобного института способствовало формированию нового типа прокурорского надзора, т. н. рабоче-крестьянской прокуратуры, плоть от плоти народной, прокуратуры, стоящей на страже ревзаконности.

Наконец, деятельность общественных обвинителей в какой-то степени способствовало преодолению отмеченного выше кадрового дефицита профессиональных прокурорских работников.

На территории Кузнецкого округа, где институт общественных обвинителей начал свою работу в 1-й пол. 1926 г., в 1927 г. работали 382 обвинителя. Показатели эффективности их деятельности свидетельствуют о постепенно возрастающей их самостоятельности. Во-первых, в сравнении с 1926 г. сокращается количество инструктивных совещаний с ними, проводимых сотрудниками прокуратуры. Так, на 2-м прокурорском участке, за весь 1927 г. состоялось лишь одно такое совещание, причем в условиях, максимально удобных для прокурора, но никак не самих обвинителей, по месту пребывания прокурорской камеры в г. Ленинск [8, л. 113].

Во-вторых, увеличивается количество их самостоятельных выступлений на судебных заседаниях (без участия прокуроров) – 42,3 – в 1926 г., 81 % – в 1927 г.

Эффективность работы общественных обвинителей оценить достаточно сложно. Архивные материалы свидетельствуют об их достаточно активной работе в Ленинске, Топках, Усть-Сосновском и с. Красное [3, л. 13]. В то же время на 3-м прокурорском участке, на котором в 1926 – 1927 гг. работали в качестве обвинителей 41 человек (40 из них – рабочие), никакого учета их выступлений не велось.

Одновременно характеризовать данный институт и его деятельность на территории западносибирского региона однозначно положительно нельзя. Здесь, как и в целом по РСФСР, имелись случаи, когда местные профорганизации выдвигали кандидатов в общественные обвинители без учета их образовательного уровня, заинтересованности, загруженности на основной работе. В результате нередко были случаи, когда избранные общественные обвинители просили освободить их по разным причинам, т. е. ставя под сомнение факт добровольности их прежнего решения.

Так или иначе, данный институт рассматривался прокуратурой в качестве явления временного. Не случайно, определяя будущее общественных обвинителей, Краевой прокурор П. Г. Алимов, повторяя, что основной задачей в дальнейшей работе с корпусом должно являться вовлечение в его состав большего числа крестьян, крестьянок и рабочих, допустил, с нашей точки зрения, далеко не случайную оговорку: «в случае упразднения их можно влить в юридические кружки, как проводников ревзаконности» [9, л. 227].

Тем не менее деятельность общественных обвинителей продолжалась еще в течение нескольких лет. Лишь к 1935 г., по мнению исследователя Н. Лаговьера, институт постепенно сворачивает свою деятельность. Мы вполне солидарны с мнением исследователя о том, что «условия времени, характеризующиеся обострением классовой борьбы, требовали укрепления прокуратуры как боевой организации обвинения» [14, с. 40]. В этой системе места общественным обвинителям уже не находилось.

Деятельность прокуратуры в середине 1920-х гг., несомненно, способствовала укреплению законности

в нормотворчестве местных органов государственной власти. Речь идет о деятельности исполнительных комитетов Советов, которые, согласно Конституции СССР 1924 г. и Конституции РСФСР 1925 г. являлись законодательными органами, имеющими право издавать обязательные постановления и налагать взыскания в виде денежного штрафа, а также общественно-принудительных работ. В то же время в местных органах Советской власти были еще сильны традиции периода «военного коммунизма», когда они в собственном нормотворчестве, де-факто, не были связаны; обязательные постановления, принимаемые ими зачастую противоречили основным положениям законодательства РСФСР. В конце 1920-х гг. усилиями прокурорского корпуса эти традиции «съездовской демократии» были изжиты, достигнуто единообразие центрального и местного законодательства, обеспечено единство правовой политики. Принимаемые исполнительными Комитетами Советов обязательные постановления предварительно согласовывались с органами прокурорского надзора и «период массового местного законодательства и налоготворчества остался далеко позади» [8, л. 313].

Наиболее активно борьба со своего рода правовым нигилизмом местных органов власти велась Краевой и Окружными прокуратурами в 1926 – 1927 гг. Прокурорам приносились протесты на обычные и обязательные постановления исполкомов Советов. В 1926 г. было опротестовано 2764 постановления Крайисполкома Сибири, Окружных и районных исполкомов, сельсоветов и общих собраний; только за 1-е полугодие 1927 г. таких протестов было привнесено уже 1679.

На уровне прокурорских участков Кузнецкого округа эта работа осуществлялась посредством получения протоколов и всех копий обязательных постановлений райисполкомов и опротестования незаконных решений. Решения в этом случае принимались самим участковым прокурором, роль же Окружной прокуратуры была минимальна и состояла в даче указаний и разъяснений.

Статистические данные свидетельствуют о несомненной результативности прокурорских протестов. Они, безусловно, рассматривались теми учреждениями, которые приняли незаконные решения. Так, из упоминавшихся 1679 протестов за первое полугодие 1927 г. до начала июля было рассмотрено 1364 (81 %); удовлетворено было из них 1307 (79 %).

По Прокуратуре Кузнецкого округа же протест удовлетворенных протестов составил 92 %, что было самым высоким показателем по Сибири.

Другим направлением деятельности Краевой и Окружных прокуратур в рамках реализации ими функций общего надзора являлась работа с поступившими жалобами. Количество таковых по Сибирскому краю было достаточно значительным, составляя около 40 тыс. в год, причем их количество практически не изменялось из года в год. В статье Н. А. Какоуровой, посвященной характеристике деятельности прокуратуре Приангарья в рассматриваемый период приводятся данные, согласно которым только в Иркутскую городскую прокуратуру ежедневно поступало от 80 до 100 жалоб [11, с. 82]. По

Кузнецкому округу во 2-й пол. 1920-х гг. ситуация выглядела несколько иначе: количество жалоб, составляя в 1925 г. около 7000, постепенно сокращалось, составляя к 1929 г. лишь 3864 [7, л. 64]. Данное обстоятельство, на наш взгляд, свидетельствовало о том, что деятельность Кузнецкой окружной прокуратуры в этом направлении была более действенна.

Впрочем, для некоторых участков Кузнецкого округа, в частности, для 2-го участка в бытность участковым прокурором В. Васильева, подобное утверждение было не вполне корректно. В течение 1926 – 1-й половине 1927 гг. некоторые жалобы оставались без рассмотрения в течение 9 месяцев. Имели место и случаи, когда жалобы, адресованные прокурору переадресовывались им в следственные органы, где просто терялись [8, л. 119].

Рассматривая содержание жалоб по существу, отметим, что ни с точки зрения субъектов, их составлявших, ни с точки зрения их содержания, ни с точки зрения характеристики принятых мер, – во 2-й половине 1920-х гг. никаких принципиальных изменений не происходило. Как таковая отсутствовала и специфика работы в этом направлении и у Кузнецкой окружной прокуратуры. Данное обстоятельство, во-первых, дает нам основание утверждать, что в деятельности прокурорских органов в области прокурорского надзора прослеживается та же тенденция унификации, которая была свойственна развитию советского общества и политического режима, начиная с середины 1920-х гг. [1, с. 94]. Во-вторых, данная ситуация позволяет нам охарактеризовать работу прокурорских органов в этом направлении на примере одной Краевой прокуратуры, определив в качестве реперного 1-е полугодие 1927 г.

На протяжении этого периода в Краевую прокуратуру поступило 27762 жалобы. В течение полугодия по 23103 жалобам (83 %) расследование было завершено, 3223 жалобы были переданы в нижестоящие прокурорские органы, рассмотрение 1436 жалоб не было закончено.

По содержанию среди жалоб преобладали обращения по поводу незаконного назначения административных взысканий (их количество постепенно сокращалось), ошибочного налогообложения, земельным и лесным делам, нарушений Кодекса законов о труде.

Отдельно остановимся на результативности рассмотрения жалоб. Из 23103 жалоб, рассмотрение которых Краевой прокуратурой было завершено, удовлетворены были 17862 жалобы (77,3 %), остальные были оставлены без последствий. 89 решений было направлено для вынесения административных взысканий по 3018 делам были возбуждены уголовные преследования, по 170 – преследования дисциплинарные, по 523 жалобам были составлены гражданские иски.

Пожалуй, самым слабым звеном в реализации функции общего надзора на протяжении рассматриваемого периода оставались прокурорские ревизии райисполкомов и сельсоветов. Особенно остро эта проблема ощущалась на уровне участковых прокуратур, что в первую очередь было связано с упоминавшимся дефицитом кадров, чрезмерной загруженно-

стью прокуроров текущими делам, не позволявшим им выполнить большинство запланированных выездов в деревню: из 9 намеченных на 1-ю половину 1927 г. по 3-му прокурорскому участку состоялось лишь 4. Процент выполнения намеченных обследований деятельности РИКов колебался от 14 до 37 [5, л. 23].

Практически ничем не отличалась ситуация и на 2-м участке. В 1926 г. прокурор совершил лишь 6 выездов в деревню, общий срок командировок туда составил 39 дней (прокурор явно предпочитал оставаться в Ленинске), что для района сельского совершенно неприемлемо. За весь год прокурором было проведено обследование лишь 2-х райисполкомов (Ленинского и Топкинского), причем сами обследования заключались лишь в просмотрах протоколов Пленумов и обязательных постановлений, которые и так пересылаются прокурору. Обследования сельсоветов проходили примерно по такой же схеме. Правда, в данном случае прокурором было обжаловано 3 постановления Советов из 6-ти принятых, что, помимо прочего, свидетельствует о качестве их нормотворчества.

В принципе, пробелы, допущенные в ходе прокурорских обследований, по крайней мере, на районном уровне, можно было бы компенсировать с помощью участия прокуроров в заседаниях райисполкомов, однако, количество таких заседаний было крайне невелико и по всем участкам Кузнецкого округа в 1926 – 1927 гг. составило лишь 24. Прокуроры на этих заседаниях вели себя крайне пассивно и лишь дважды инициировали рассмотрение на заседаниях интересующих их вопросов (по организации камер и принудительных работ) [6, л. 17].

Одним из направлений деятельности региональной сибирской прокуратуры в реализации ей функции общего надзора за соблюдением законности являлась в рассматриваемый период работа с рабселькорами. Прокуратура как орган, проводящим надзор от имени государства за соблюдением законности всеми органами власти, кооперативно-общественными организациями и частными лицами, вела борьбу с бесхозяйственностью, растратами, халатностью и другими преступлениями, карающимися в уголовном и дисциплинарном порядке. В условиях своеобразного «кадрового голода», о котором шла речь выше, к своей работе по выявлению нарушений действующего законодательства региональная прокуратура привлекала представителей рабочего и крестьянского актива, объединенных в разного рода общественные организации, движения и пр. Одной из самых заметных групп подобного рода и являлись рабочие и сельские корреспонденты (рабселькоры), непрофессиональные журналисты, которые путем помещения заметок в прессе вскрывали факты бюрократизма, халатности, нарушений законности.

По мнению Краевого Прокурора П. Г. Алимова: «Благодаря работе рабселькоров прокуратура имеет возможность в более широком объеме осуществлять надзор за законностью вообще и за лицами, совершающими в той или иной форме нарушения законов и тем самым укреплять политические, административно-экономические устои и революционно-правовые нормы советской власти» [8, л. 310].

Организуя работу рабселькоров Краевая и Ок-
ружные прокуратуры, начиная с 1927 г. выступали с
докладами на совещании последних; только в течение
1-го полугодия на территории Кузнецкого округа со-
стоялись 12 подобных мероприятий. Рабселькоры
осуществляли свою деятельность, фактически, под
охраной прокуратуры: в 1926 г. Краевой прокурату-
рой было возбуждено 37 уголовных дел против нару-
шителей прав рабселькоров.

Что же касается результатов их совместной дея-
тельности, отметим, что всего по Сибирскому Краю
Прокуратурой по газетным заметкам первом полуго-
дии 1926 г. было возбуждено 2973 дела, во втором
полугодии – 3816 дел и в первом полугодии 1927 г.
5175 дел.

С нашей точки зрения, к подобной статистике, в
отличие от прокурорского руководства Сибири в
1920-е гг., нужно отнестись с достаточной степенью
осторожности. С одной стороны, постоянный рост
количественных показателей свидетельствует как о
результативности деятельности рабселькоров, так и
их совместной работе с прокуратурой. С другой сто-
роны, принимая во внимание специфику социально-
экономической и политической ситуации в СССР
(свертывание НЭПа, начало форсированных модерни-
зационных преобразований в экономике, сложности с
реализацией 1-го пятилетнего плана, списываемые на
классовое вредительство) подобная статистика может
свидетельствовать об усилении репрессивных харак-
теристик политического режима и, соответственно
карательных функций прокуратуры. Не случайно, по
признанию самих должностных лиц Окружной Куз-
нецкой прокуратуры лишь 57 % заметок рабселькоров
в 1927 г. находили свое подтверждение. Рабселькоры,
т. о., были ответственны за ложную информацию,
клевету. Прокуратура, однако, брала их под свою за-
щиту: в том же 1927 г. случаев возбуждения пресле-
дования против рабселькоров за ложные сообщения
было лишь 16 по всему Сибирскому региону, по Куз-

нецкому округу – 2. Отмечая недопустимость подоб-
ной ситуации в дальнейшем, руководство Краевой
прокуратуры лишь отмечало, что прокурорам необхо-
димо укреплять живую связь с рабселькорами путем
докладов, переписки, инструктирования, тем самым,
добиваясь увеличения процента подтвержденности,
главным образом, изживая ложные заметки, «...ко-
торые приносят большой вред, нервируют работников
и действуют разлагающе на советский аппарат».

Следует отметить еще одно упущение в работе с
рабселькорами. Зачастую внимание прокурора при-
влекали внимание заметки, содержание которых этого
вовсе не заслуживало. Так, только после окрика Ок-
ружного прокурора, в 1927 г. было остановлено про-
курорское разбирательство, вызванное заметкой о
«неблагонадежном» поведении населения дер. Топки,
«которое вышло на тушение пожара и хихикало» и
попустительстве этому поведению со стороны топ-
кинского сельсовета.

Подводя итог сказанному, отметим, что на всем
протяжении 1920-х гг. проблема кадрового состава
прокурорских учреждений Сибири являлось одним из
главных внутренних препятствий на пути укрепления
института и оптимизации его деятельности. Не в си-
лах решить проблему, руководители прокурорских
учреждений пытались компенсировать дефицит кад-
ров за счет привлечения к осуществлению надзорной
функции представителей актива – общественных об-
винителей и рабселькоров; стабилизация кадровой
ситуации к началу 1930-х гг. способствовала отказу от
этих решений.

Другим препятствием на пути оптимизации про-
курорской деятельности являлось обременение инсти-
тута несвойственными ему полномочиями – пропа-
гандистскими, политико-воспитательными и пр. Уча-
стие прокурорских работников в массовых политиче-
ских кампаниях отвлекала их от осуществления соб-
ственно надзорных полномочий.

Литература

1. Гаврилов С. О. Местные Советы Российской Федерации в предвоенный период. Новосибирск, 2003.
2. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф.Р-40. Оп. 1. Д. 11.
3. ГАКО. Ф.Р-40. Оп. 2. Д. 42.
4. ГАКО. Ф.Р-40. Оп. 1. Д. 22.
5. ГАКО. Ф.Р-40. Оп. 1. Д. 14.
6. ГАКО. Ф.Р-40. Оп. 2. Д. 6.
7. ГАКО. Ф.Р-40. Оп. 3. Д. 21.
8. ГАКО. Ф.Р-40. Оп. 1. Д. 3.
9. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.Р-20. Оп. 1. Д. 32.
10. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организация суда и прокуратуры. 1917 – 1954 гг.: сб. док. М., 1955.
11. Какоурова Н. А. Деятельность суда и прокуратуры Приангарья в 30-е гг. XX века // Сибирский юриди-
ческий вестник. 2005. № 3.
12. Лаговиер Н. Деятельность прокуратуры по организации общественных обвинителей за 1925 г. // Еже-
недельник советской юстиции. 1926. № 10.
13. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44.
14. Общественный обвинитель в советском уголовном процессе. М., 1935.
15. Сборник Циркуляров Наркомата Юстиции РСФСР за 1922 – 1925 гг. М., 1926.
16. Чельцов-Бебутов М. А. Уголовный процесс. М., 1948.

Информация об авторе:

Вернов Андрей Сергеевич – соискатель кафедры теории и истории государства и права КемГУ, gavrosh66@mail.ru.

Andrey S. Vernov – post-graduate student at the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University.

(Научный руководитель: Гаврилов Станислав Олегович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права КемГУ, gavrosh66@mail.ru.

Academic advisor: Stanislav O. Gavrilov – Doctor of History, Professor the Department of Theory and History of the State and the Law, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 21.09.2015 г.